A 238
210

КРОНШТАДТЪ

ТУЛОНЪ

А 238
210

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

РУССКІЕ МОРЯКИ

ВО ФРАНЦІИ.

Октябрь 1893 года.

2007041587

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

1. Пароходы и ялики, отправляющіеся изъ Тулона на встрѣчу русской эскадры.
2. Контръ-адмиралъ Авеланъ, офицеры броненосца «Императоръ Николай I» и французскій капитанъ Марешаль, состоявшій при русскомъ адмиралѣ во время пребыванія его во Франціи.
3. Матросы броненосца «Императоръ Николай I».
4. Оперная площадь въ Парижѣ въ моментъ пріѣзда русскихъ моряковъ.
5. Тріумфальная арка въ Ліонской улицѣ въ Парижѣ.
6. Парижане въ ожиданіи проѣзда русскихъ моряковъ.
7. Вотъ они! Вотъ они!
8. Входъ русскихъ моряковъ въ русскую церковь въ Парижѣ.
9. Генералъ Сосье, военный губернаторъ Парижа.
10. Знамя, поднесенное Москвѣ городомъ Ліономъ.
11. Великій князь Ярославъ Мудрый, благословляющій свою дочь Анну Ярославну на замужество съ французскимъ королемъ Генрихомъ I.
12. Встрѣча Петра I-го съ Людовикомъ XV.
13. Братина, поднесенная генералу Сосье русскимъ патріотомъ И. Г. Харитоненко.
14. Стерлитамакскій городской голова на вершинѣ Урала возглашаетъ: «Да здравствуетъ Франція!».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Марта 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Р. Голике, Спасская улица, д. № 17.

1894.

Б-КА М.П.М.

Отъ издателя.

Событія Кронштадта и Тулона, скрѣпившія прочными узами два могущественные народа и знаменующія въ судьбахъ Европы рѣшительный поворотъ къ эпохѣ мира и мирнаго развитія, хорошо извѣстны нашему интеллигентному обществу. Съ напряженнымъ вниманіемъ, изо дня въ день, слѣдило оно и въ періодической печати, и въ литературѣ за дѣломъ сближенія Россіи и Франціи, выясняя себѣ исходныя точки этого сближенія, почву, на которой, въ силу историческихъ неотвратимыхъ причинъ, должно было состояться такое сближеніе и, наконецъ, ближайшія непремѣнныя послѣдствія его для политической и экономической жизни Европы—послѣдствія, значеніе которыхъ столь осязательно въ настоящіе дни...

До народа же, въ наши села и захолустья, объ этихъ знаменательныхъ событіяхъ доходили лишь отрывочныя, случайныя вѣсти. Въ деревняхъ знаютъ, что французъ съ своими кораблями былъ въ Кронштадтѣ, въ гостяхъ у Царя, что Царь и Царица принимали его очень ласково, что затѣмъ возили его въ Москву, что нынѣшнимъ лѣтомъ Царь посылалъ свои корабли во французскую землю, гдѣ нашихъ моряковъ, какъ Царскихъ слугъ, чествовали на славу, на удивленіе, и что теперь у насъ, по Царской волѣ, установилось побратимство съ Франціей. О посѣщеніи нашими моряками Тулона и Парижа, о блистательномъ и сердечномъ пріемѣ и чествованіи ихъ французами свѣдѣнія у нашего народа разнообразнѣе, благодаря письмамъ, посылавшимся матросами на родину, въ семьи, а также благодаря изобилію подарковъ, полученныхъ ими во Франціи и доставленныхъ, конечно, въ семьи.

Народъ нашъ, всюду и вездѣ, относится весьма сочувственно къ дружественному общенію нашему съ французами, но дѣлаетъ это болѣе по инстинкту, чѣмъ по сознанію. Царю угодна такая дружба съ Франціей, да и душа лежитъ къ французу—вотъ простыя, без-

хитростныя основы у русскаго народа для его горячихъ симпатій къ свершившемуся сближенію Россіи и Франціи.

Освѣтить народу этотъ свершившійся фактъ, обѣщающій столь плодотворныя послѣдствія для мирнаго экономическаго развитія и гражданскаго преуспѣянія Россіи и всей Европы, выяснить ему историческое значеніе и смыслъ этого многозначительнаго факта—вотъ достойная задача весьма полезная, но вмѣстѣ и трудная.

Нося въ душѣ своей, многіе уже годы, твердую вѣру въ благотворныя послѣдствія установившихся нынѣ дружественныхъ узъ, связывающихъ Россію съ Франціей, я, какъ бывшій морякъ, испытывалъ двойное счастіе, участвуя сердцемъ въ знаменательныхъ празднествахъ франко-русской дружбы. Случайно или нѣтъ, но именно русскимъ морякамъ выпала завидная честь первымъ открыто, передъ всѣмъ міромъ, пожать дружескую руку Франціи. Чувства стараго моряка не менѣе, какъ и убѣжденнаго сторонника франко-русскаго сближенія, подсказали мнѣ, что издатель народныхъ книгъ, въ теченіе 20-лѣтней дѣятельности на этомъ поприщѣ, выпустившій въ народное обращеніе до 4 мил. экземпляровъ различныхъ книжекъ, направленныхъ къ укрѣпленію въ народѣ вѣры, нравственности и беззавѣтной любви къ Царю и нашему искони сложившемуся государственному и общественному строю, обязанъ сдѣлать попытку изложить, въ доступной народу формѣ, величавыя событія, сопровождавшія закрѣпленіе дружественныхъ узъ двухъ народовъ, освѣщая это изложеніе разъясненіемъ истиннаго смысла столь знаменательнаго въ нашей государственной жизни факта.

Буду счастливъ, если русскіе люди, преимущественно наши сельчане, фабричные рабочіе и сельская учащаяся молодежь, привыкшіе уже пользоваться моими изданіями, и въ настоящей книжкѣ, предназначаемой для широкаго распространенія тѣмъ же путемъ, какъ и прежнія мои изданія, т. е. путемъ безплатной раздачи и разсылки ихъ, найдутъ пищу для своей любознательности и почерпнутъ въ ней убѣжденіе, что дѣло, призванное къ жизни Великимъ Русскимъ Царемъ, есть благодатное дѣло и для народа, и для Русскаго Царства!..

25 Марта 1894 г.
С.-Петербургъ.

Въ Россіи всѣ, даже и простые люди, знаютъ, что Франція и французскій народъ, съ искреннею и горячею дружбой, относятся къ нашему отечеству, глубоко уважаютъ и любятъ Русскаго Царя какъ справедливаго и могучаго Защитника мира между народами всего свѣта, и всегда дружески, братски встрѣчаютъ у себя, на землѣ французской, всѣхъ русскихъ. Такія добрыя чувства къ намъ проявляютъ французы не годъ и не два, а много и много лѣтъ. Всѣ происходившія между нами распри и войны преданы забвенію и французы принимаютъ нынѣ русскихъ совсѣмъ не такъ, какъ другихъ иностранцевъ.

Дружа съ Россіей горячо и открыто, Франція, три года тому назадъ, рѣшила выразить дружелюбныя чувства своего народа, прославъ къ намъ въ Кронштадтъ отрядъ своихъ броненосныхъ кораблей, подъ начальствомъ адмирала Жерве, чтобы, предъ всѣмъ міромъ, засвидѣтельствовать тѣ высокія чувства, какія питаетъ Франція къ Россіи.

Мы, русскіе люди, отзывчивые въ своемъ сердцѣ на все доброе, гостепріимно, по-русски, встрѣтили своихъ гостей. Самъ Русскій Царь, мощный Выразитель души народной, съ Государыней Императрицей, радушно приняли гостей — друзей Россіи.

Вся Россія и въ Сѣверной столицѣ, и въ сердцѣ Россіи—Москвѣ, вездѣ и всюду, по всей необъятной землѣ нашей, откликнулась на дружбу Франціи и горячо привѣтствовала прибывшихъ къ намъ въ 1891 году французскихъ моряковъ.

Когда русскіе—православные люди узнали, что одновременно съ прибытіемъ французской эскадры въ Кронштадтъ присланы были изъ Парижа въ Петербургъ хоругви, взятыя французами въ одномъ изъ нашихъ городовъ, во время Севастопольской войны, — когда намъ стало извѣстно, что моряки

Франціи молятся и въ Исаакіевскомъ Соборѣ и въ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ покойный Митрополитъ Исидоръ благословилъ Адмирала Жерве иконой Св. Александра Невскаго, и въ Иверской Часовнѣ, въ Москвѣ, то всѣмъ у насъ стало ясно, какою глубокою дружбою бьется къ намъ сердце французовъ, и теплою волной пробѣжала объ этомъ молва по всѣмъ краямъ Россіи, во всемъ ея народѣ.

Взволнованный радостнымъ и благодарнымъ чувствомъ за оказанный пріемъ, дрогнулъ весь народъ Франціи отъ русскаго гостепріимства, отъ Царской доброй ласки, отъ нашего народнаго дружества, прямаго и сердечнаго.

Отплачивая дружбой за дружбу, Государь Императоръ, въ отвѣтъ за посѣщеніе Кронштадта французскими моряками, послалъ, въ минувшемъ 1893 году, русскихъ моряковъ, на броненосной эскадрѣ во Францію.

Радостно готовился французскій народъ, чтобы съ полнымъ радушіемъ встрѣтить у себя русскихъ гостей. Но то, что происходило во Франціи, съ Покрова дня, когда наши корабли вступили въ теплыя воды Тулонской пристани, до самаго ихъ отплытія, превзошло всякія ожиданія. Вся Франція, весь народъ ея поднялись, какъ одинъ человѣкъ, чтобы громко, передъ цѣлымъ міромъ выразить свою горячую дружбу къ Россіи.

Въ теченіе своей многовѣковой исторіи, французы ни разу такъ не встрѣчали своихъ героевъ — побѣдителей, своихъ собственныхъ сыновъ,—какъ встрѣтили они теперь русскихъ друзей, посланныхъ нашимъ Государемъ Императоромъ. Изумился этому міръ, всѣ его народы. Мы всѣ, русскіе люди, были глубоко этимъ тронуты. Но, привычные измѣрять важныя для нашего отечества событія вѣщимъ словомъ Царскимъ, мы всѣ ждали, что скажетъ Самъ Царь Русскій о томъ, что происходило тогда во Франціи, въ честь и славу Россіи.

И вотъ, въ ту минуту, когда броненосцы наши отплывали отъ гостепріимныхъ береговъ Франціи, раздалось одновременно, и тамъ, и въ Россіи, желанное слово Царское. Когда Президентъ Франціи, на Тулонскомъ берегу, въ виду уходившихъ русскихъ броненосцевъ, открывалъ полученную изъ Гатчины Государеву телеграмму, лицо его выражало необыкновенное воодушевленіе...

Царь Русскій телеграфировалъ главѣ французскаго правительства, г. Карно, слѣдующія историческія, достопамятно знаменательныя слова:

«Въ ту минуту, когда русская эскадра оставляетъ Францію,—Мнѣ пріятно выразить вамъ, какъ Я тро-

путъ горячимъ и блестящимъ пріемомъ, который Мои моряки встрѣчали повсюду на французской землѣ, и какъ за то признателенъ. Доказательства живой симпатіи, проявившіяся еще разъ такъ краснорѣчиво, прибавятъ новое звено къ узамъ, соединяющимъ обѣ страны, и, надѣюсь, будутъ содѣйствовать упроченію общаго мира—предмета ихъ усилій и самыхъ постоянныхъ желаній».

Взволнованнымъ отъ радости голосомъ прочиталъ Президентъ Франціи тѣснившимся на берегу французамъ эти дорогія слова прямодушнаго Русскаго Царя. Оглушительное ура огласило воздухъ. Дрогнули глубокою радостью сердца Франціи и Россіи, когда это раздавшееся съ высоты Русскаго Царскаго Престола мощное слово, пронесясь по цѣлому свѣту, неразрывно скрѣпило узы дружбы двухъ народовъ, ихъ искреннее, братское общеніе. Сердечно тронутые уже тѣмъ, что Его Величество Государь Императоръ, 1 октября, въ ту самую минуту, когда наши корабли вступали въ рейдъ Тулона, взошелъ на французскій броненосецъ, стоявшій у береговъ Даніи, гдѣ гостилъ нашъ Царь, и сказалъ обрадованнымъ морякамъ слово Царскаго привѣта, французы въ знаменательныхъ словахъ Царской телеграммы нашли твердое убѣжденіе, что отнынѣ Франція не одинока въ мірѣ. Въ свою очередь, и русскій народъ теперь знаетъ, что и Россія имѣетъ друга, готоваго на всѣ испытанія и въ войнѣ, и въ мирѣ. Наконецъ, всѣ народы Европы съ успокоеніемъ и благодарностью признали, что могучій Русскій Царь въ этихъ вѣщихъ словахъ речетъ имъ миръ—предметъ Его Царскихъ усилій и самыхъ постоянныхъ желаній. «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ»—воскликнули не одни русскіе люди. «Владычица наша Богородице, Ты и нынѣ покрываешь насъ честнымъ Твоимъ омофоромъ!» Вездѣ стали извѣстны мудрые заботы нашего Царя о мирѣ — этомъ величайшемъ благѣ народовъ. И вотъ, еще такъ недавно, когда Государь Императоръ выздоровѣлъ отъ постигшей Его Величество тяжкой болѣзни, возрадовались не одни только русскіе люди, не одни только друзья Россіи, но и среди народовъ, далекихъ отъ симпатій къ намъ, громко говорили, какъ всѣ вздохнули полною грудью и успокоились, что, по волѣ Божіей, миновала опасность для этого, Божественною благодатію осѣняемаго защитника мира для всей Европы, для всего міра...

Всѣмъ русскимъ людямъ подобаетъ обстоятельно знать и снова пережить въ душѣ всѣ тѣ проявленія сердечнаго сближенія Франціи и Россіи, которыми ознаменовались дни пребыванія русскихъ моряковъ во Франціи. То, что записано въ исторіи нашего отечества и Франціи неизгладимыми чертами, должно быть возобновляемо не разъ и не два, а много и много разъ, въ памяти и сердцѣ людей русскихъ. Желательно, чтобы эти событія были запечатлѣны въ ихъ душѣ навѣки.

Наша стародавняя привычка бесѣдовать съ народомъ, въ памятные для него дни, въ доступныхъ ему книжкахъ, а также сердечныя движенія, кои волновали насъ, въ дни знаменательныхъ проявленій величавой дружбы двухъ великихъ государствъ и двухъ могучихъ народовъ, вызвали появленіе настоящей, для народа предназначаемой, книжки съ повѣствованіемъ о незабвенныхъ празднествахъ Франціи, въ честь нашего Царя и Его народа. Итакъ, «Да здравствуютъ Царь и Россія». «Да здравствуетъ Франція!»

1 октября, въ день Покрова Божіей Матери, залитыя яркими лучами южнаго солнца, при полномъ безвѣтріи и ясномъ безоблачномъ небѣ, Русскія Императорскія суда, около полудня, величаво вступили въ воды военнаго Тулонскаго порта: впереди гигантскій броненосецъ «Николай I», затѣмъ крейсеры 1-го класса «Память Азова», «Адмиралъ Нахимовъ» и «Рында»; за ними послѣдовали другія наши суда. Ихъ сопровождаютъ броненосцы Франціи и невообразимое количество переполненныхъ народомъ пароходовъ, лодокъ и яликовъ, разукрашенныхъ русскими и французскими національными флагами, гирляндами цвѣтовъ и зелени.

Громовые салюты съ французскихъ кораблей и пушечные отвѣты имъ съ русскихъ судовъ потрясаютъ и небо, и землю. Вся набережная, всѣ зданія и крыши Тулона, всѣ, даже далекія высоты покрыты громадными, несчетными толпами народа, разодѣтаго по-праздничному. Отовсюду на встрѣчу русскимъ морякамъ раздаются оглушительные, потрясающіе душу клики: «да здравствуетъ Россія, *ура*, *ура*!».

Хоры музыки играютъ Русскій народный гимнъ. Народъ поетъ: «Боже, Царя Храни!» Французы заранѣе, не безъ труда, конечно, выучили по-русски слова нашей народной пѣсни въ честь Государя Императора, чтобы русскимъ словомъ привѣтить своихъ дорогихъ, желанныхъ друзей.

Къ часу дня, несмѣтныя толпы народа, заливавшія все ви-

димое пространство Тулонскаго берега, заволновались необычайно въ ожиданіи вступленія русскихъ моряковъ на французскую землю. Начальникъ нашей эскадры, въ блестящемъ мундирѣ, окруженный морскими офицерами, изъ катера вышелъ на берегъ.

Морской министръ Франціи, адмиралъ Репье, привѣтствуя русскихъ моряковъ, сказалъ:

«Едва нога ваша коснулась французской земли, я почув-

Въ Тулонѣ. Пароходы и ялики, отправляющіеся на встрѣчу русской эскадры.

ствовалъ, какая честь выпадаетъ на мою долю принять васъ, отъ имени правительства Франціи. Память 1891 года глубоко запала въ нашемъ сердцѣ. Кронштадтъ и Тулонъ обозначили и засвидѣтельствовали симпатіи русскаго и французскаго народовъ. Вы всюду найдете здѣсь искреннихъ друзей. Именемъ Президента и правительства Франціи и всей страны нашей, я говорю: «добро пожаловать» вамъ всѣмъ, дорогіе товарищи, представляющіе здѣсь великій и благородный народъ!»

Трудно описать, какъ разукрашенъ былъ Тулонъ, какъ ли-

ковалъ въ немъ народъ, какими огнями волшебной иллюминаціи горѣлъ всю ночь городъ. Всюду на домахъ видѣлись надписи по-русски: «Добро пожаловать», «Слава Русскому Царю», «Честь и слава Россіи». Но вотъ, когда наши моряки были приглашены французами откушать хлѣба-соли, во время роскошнаго обѣда всталъ французскій адмиралъ и, высоко поднимая заздравный кубокъ, такъ выразилъ одушевлявшія весь французскій народъ чувства:

«Поднимаю мой бокалъ въ честь Его Императорскаго Величества Александра III, самое имя Котораго знаменуетъ благородство и могущество и представляется всему міру, какъ знаменіе мира».

«Съ тѣмъ же чувствомъ глубокаго почтенія я возглашаю этотъ тостъ въ честь Государыни Императрицы и Императорской фамиліи, которыя въ насъ вызываютъ тѣ же добрыя пожеланія, какъ славный и высокопочитаемый Глава Россіи.

«Во здравіе Его Величества».

«Во здравіе Императорской Фамиліи».

Поднимая во второй разъ кубокъ, адмиралъ говорилъ:

«Провозглашаю тостъ во здравіе русскаго флота и россійской арміи, въ исторіи которыхъ на каждой страницѣ начертаны славныя событія, а также за братство армій, истекающее изъ взаимныхъ симпатій, которыя соединяютъ и всегда будутъ соединять два мужественныхъ народа».

«За русскій флотъ».

«За русскую армію!»

Нашъ адмиралъ Авеланъ отвѣчалъ:

«Господа! Благодарю васъ всѣхъ за ваши пожеланія и симпатіи! Я ожидалъ дружественной встрѣчи, но я никогда не разсчитывалъ встрѣтить среди вашего мужественнаго населенія, морскаго и гражданскаго, тотъ горячій порывъ, который встрѣтили наши моряки. Отъ имени русскаго флота, поднимаю мой бокалъ въ честь французскаго флота, Франціи и ея мужественнаго населенія».

На другой день, начальникъ французской дѣйствующей въ Средиземномъ морѣ эскадры, адмиралъ де-Боассуди, далъ на стоявшемъ въ Тулонскомъ рейдѣ броненосцѣ «Formidable» обѣдъ въ честь русскихъ моряковъ. За обѣдомъ французскій адмиралъ провозгласилъ тостъ за здоровье Императора и Императрицы Всероссійскихъ, съ пожеланіемъ Россіи преуспѣянія въ ея величіи. «Всѣ французы—сказалъ онъ при этомъ—повергаютъ свои благоговѣйныя чувства къ стопамъ Его Величества и Ея Величества, любвеобильной Дочери датской королевской фамиліи, которая всегда относилась столь сочувственно къ Франціи».

3 октября, въ Тулонѣ состоялся, въ честь русскихъ моряковъ, народный праздникъ. За столомъ рядомъ съ каждымъ русскимъ офицеромъ занялъ мѣсто французскій офицеръ. Предсѣдательствовалъ тулонскій городской голова, по правую сторону котораго сидѣлъ адмиралъ Авеланъ. Подавались русскія блюда. Рядъ тостовъ открылъ представитель города провозглашеніемъ тоста за здоровье Царя, Отца своихъ народовъ. Царицы и всей Россіи. «Чрезвычайное проявленіе дружбы Франціи къ Россіи—сказалъ поднявшій здравицу—показываетъ нашу преданность великой Сѣверной имперіи. Этотъ скрѣпленный въ Кронштадтѣ и Тулонѣ союзъ доказываетъ свѣту наше желаніе, чтобы началась пора мира и благоденствія. Мы находимъ въ нашей силѣ гарантію мира и свободы. Да царитъ братство Россіи и Франціи, соединенныхъ неодолимымъ теченіемъ». Въ заключеніе, воздавая хвалу русской эскадрѣ, представитель Тулона предложилъ нашимъ морякамъ осушить кубки, пожелавъ, чтобы пѣнящееся французское вино напоминало русскимъ о ихъ южныхъ братьяхъ.

Весь день и всю ночь на французскихъ и русскихъ корабляхъ гремѣла музыка и шло пированье,—тысячи лодокъ подъѣзжали къ русскимъ кораблямъ съ несмѣтными массами французовъ. Тутъ перебывали и люди важные, и простые, и старики и дѣти, и мужчины и женщины. Всѣ несли нашимъ матросикамъ и цвѣты, и гостинцы, и подарки, обнимали и цѣловали ихъ, какъ друзей, какъ братьевъ. Даже окрестные крестьяне приносили свои подарки, прося нашихъ моряковъ послать ихъ въ Россію своимъ матерямъ, женамъ и сестрамъ.

Знаменитая во Франціи своею любовью къ Россіи г-жа Аданъ привезла русскимъ матросамъ въ Тулонъ, для отсылки на родину, массу золотыхъ крестиковъ, серегъ, колецъ и запястьевъ съ незабудками. Она, среди матерей, женъ и дочерей Франціи, собирала пожертвованія, чтобы показать и простому русскому народу, въ его деревняхъ и селахъ, какъ любятъ русскихъ во Франціи, какъ всѣ несказанно рады ихъ пріѣзду въ эту прекрасную и дружественную намъ страну, къ доброму и ласковому народу. Наши моряки горячо, по-русски, отъ имени родныхъ своихъ, благодарили эту благородную женщину Франціи. Четыре дня для Тулона были сплошнымъ и чуднымъ праздникомъ въ честь русскихъ моряковъ и всея Руси.

Въ день прибытія русской эскадры въ Тулонъ, глава французскаго правительства г. Карно обратился къ Государю Императору съ слѣдующею телеграммою: «Считаю сердечною обязанностью благодарить Ваше Величество и высказать искрен-

нюю радость, по случаю этого новаго доказательства глубокихъ симпатій, соединяющихъ Россію съ Франціей».

Государь Императоръ изволилъ отвѣтить президенту Карно: *«Въ отвѣтъ на вашу любезную телеграмму, спѣшу выразить то удовольствіе, которое доставляетъ Мнѣ визитъ Моей эскадры славнымъ французскимъ морякамъ, посѣтившимъ Кронштадтъ»*.

Адмиралъ Авеланъ, офицеры броненосца «Императоръ Николай I» и французскій капитанъ Марешаль, состоявшій при русскомъ адмиралѣ во время его пребыванія во Франціи.

Во время упомянутаго выше посѣщенія Государемъ Императоромъ французскихъ судовъ въ Копенгагенѣ, г. Карно адресовалъ Его Величеству слѣдующую депешу: «Вся Франція

будетъ глубоко тронута этимъ новымъ знакомъ расположенія. Принимая на себя передачу ея чувствъ, обращаюсь къ Вашему Величеству съ глубокою признательностью».

По поводу посѣщенія Государемъ Императоромъ французскаго военнаго корабля «Isly», на Копенгагенскомъ рейдѣ, французскія газеты говорили: «Въ тотъ самый день, когда русская эскадра прибыла во французскія воды, въ Копенгагенѣ Русскій Царь, въ сопровожденіи Цесаревича и Великаго Князя

Матросы броненосца «Императоръ Николай I».

Михаила Александровича, всходилъ на бортъ французскаго военнаго корабля «Isly» и между французскими судами и русской Императорской яхтой «Полярная Звѣзда» произошелъ обмѣнъ салютовъ. Не указываетъ ли это обстоятельство на то, что Его Величество Императоръ Всероссійскій хотѣлъ показать свое желаніе присоединиться къ мирному торжеству, которое освящаетъ и укрѣпляетъ дружбу обѣихъ странъ».

Изъ Тулона русскіе гости направились въ Парижъ. Весь путь нашихъ моряковъ отъ Тулона до Парижа, этого сердца Франціи, міровой столицы, былъ поразительнымъ празднествомъ въ честь Россіи. Всюду, на всѣхъ станціяхъ, русскіе и французскіе флаги, цвѣты, гирлянды зелени, несмолкающіе клики: «да здравствуетъ Царь! Да здравствуютъ Россія и русскій

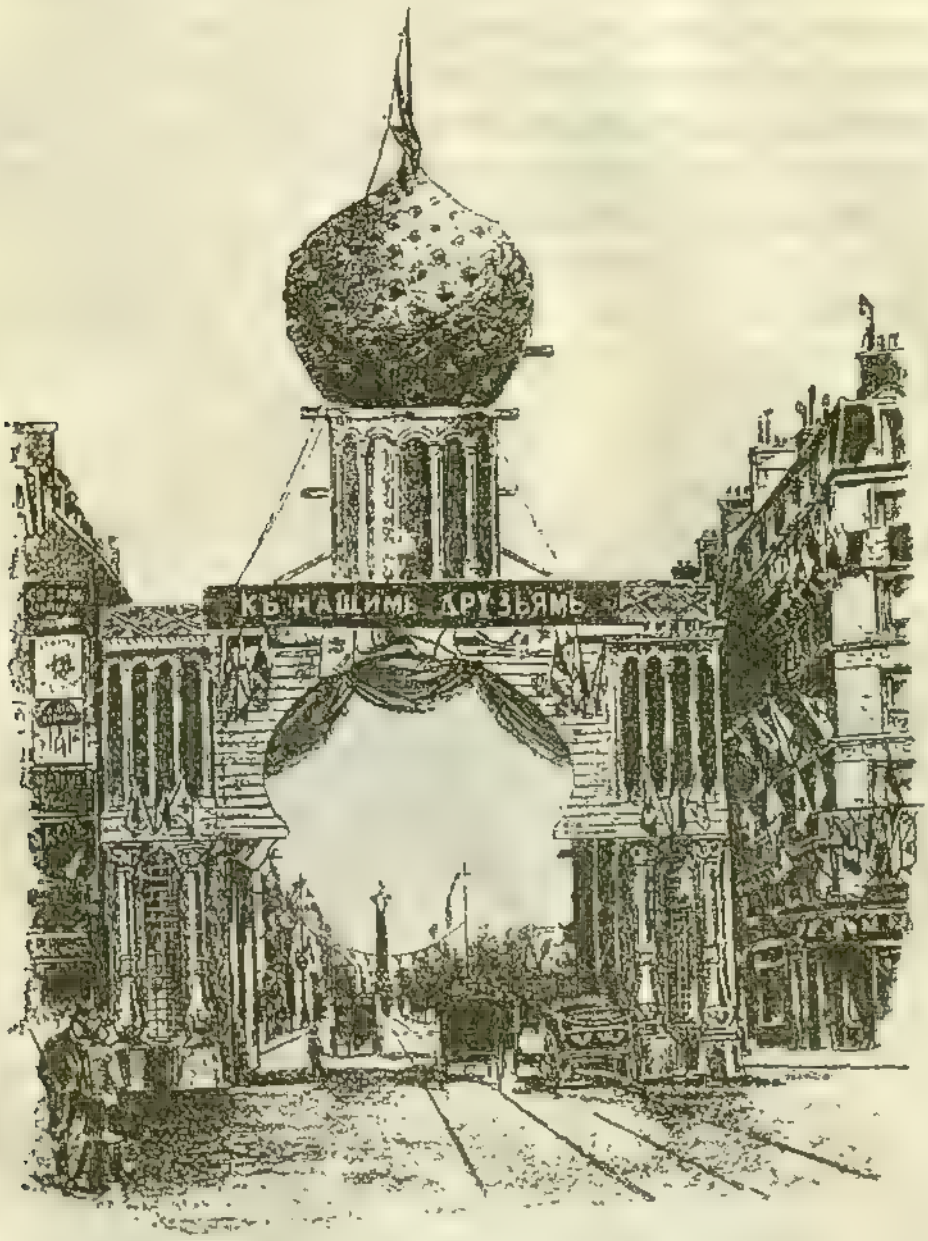
Оперная площадь въ моментъ пріѣзда русскихъ моряковъ.

народъ!». И это вездѣ: и въ городахъ, и въ селахъ, и въ маленькихъ деревняхъ. Это — народъ Франціи двинулся привѣтствовать Россію.

Но ни словомъ сказать, ни перомъ описать нельзя—какъ говоритъ русская старинная пословица,—того, что ожидало русскихъ въ Парижѣ.

На вокзалѣ южной желѣзной дороги (ліонской) въ Парижѣ несмѣтная масса народу; такая же масса буквально залила

всѣ окрестныя улицы и тѣснится на всемъ пути русскихъ моряковъ. Убранство улицъ, площадей, зданій восхитительно и сказочно роскошно. Можно смѣло опредѣлить въ милліона два толпу, залившую путь отъ вокзала до дома Военнаго клуба, гдѣ были приготовлены помѣщенія для русскихъ гостей. Съ трогательнымъ вниманіемъ французы въ каждой ком-



Тріумфальная арка въ Ліонской улицѣ въ Парижѣ.

натѣ, предназначенной для нашихъ моряковъ, заранѣе поставили русскія православныя иконы.

Когда поѣздъ съ дорогими гостями подошелъ къ роскошно разукрашенному вокзалу, оглушительные, восторженные крики: «да здравствуетъ Царь, да здравствуетъ Россія!» встрѣтили прибывшихъ. Всѣ обнажили головы. Раздались звуки русскаго гимна: «Боже, Царя храни» и потрясающее немолчное ура. Знакомый

намъ по Кронштадту адмиралъ Жерве по-русски обнимается и цѣлуется съ нашими моряками. Маленькая дѣвочка лѣтъ десяти подноситъ имъ великолѣпную корзину цвѣтовъ. Въ роскошныхъ открытыхъ коляскахъ, приготовленныхъ городомъ, моряки наши едва могутъ двигаться по улицамъ Парижа, залитымъ сотнями тысячъ французовъ. Всюду національные флаги Франціи и Россіи, какъ будто шепчутся, какъ будто обнимаются; всюду цвѣты и большіе портреты нашихъ Царя и Царицы. На одной улицѣ высится громадная тріумфальная арка, на ней красуется русская надпись: «Нашимъ русскимъ друзьямъ». Проѣзжая подъ нею, одинъ изъ нашихъ моряковъ, подпявшись съ мѣста и махая фуражкой, восклицаетъ: «да здравствуютъ наши друзья французы!». Что происходитъ тогда съ глубоко тронутымъ народомъ—трудно и передать. Шапки и шляпы летятъ вверхъ, женщины машутъ платками и зонтиками; тысячи рукъ протягиваются къ нашимъ

Парижане въ ожиданіи проѣзда русскихъ моряковъ.

морякамъ. Экипажи уже не могутъ двигаться отъ налегшей на нихъ, будто волны, толпы. Наши моряки, тронутые всѣмъ этимъ до глубины души, поднялись съ своихъ сидѣній и машутъ фуражками. Это что-то чрезвычайное, невиданное.... Мужчины отъ радостнаго волненія не могутъ удержать слезъ. Женщины цѣлуютъ моряковъ, какъ своихъ братьевъ, и засыпаютъ экипажи ихъ цвѣтами. Убранство улицъ и весь видъ Парижа—волшебный: они не поддаются никакому описанію...

При входѣ нашихъ моряковъ въ отведенное для нихъ помѣщеніе, имъ на роскошномъ серебряномъ блюдѣ подносена была хлѣбъ-соль отъ имени губернатора Парижа, генерала Сосье—лучшаго друга Россіи.

Въ этотъ же день, 5 октября, русскій посолъ представлялъ въ Елисейскомъ дворцѣ Президенту Франціи контръ-адмирала Авелана и пріѣхавшихъ съ нимъ русскихъ морскихъ офицеровъ. Г. Карно сказалъ: «Благодарю васъ, господинъ посолъ, что вы мнѣ представили адмирала Авелана и офицеровъ русской эскадры. Я поручилъ морскому министру передать имъ мои поздравленія съ пріѣздомъ, при входѣ ихъ во Французскія воды. Я счастливъ, что сегодня могу лично повторить эти поздравленія. Вамъ, господа, выражали въ Тулонѣ всю симпатію французскаго правительства; населеніе мѣстностей, чрезъ которыя вы проѣхали, выказывало вамъ симпатію всей націи, всего нашего народа. Вы вездѣ встрѣтите такой же горячій и радушный пріемъ. Узы любви, которыя соединяютъ Россію и Францію, укрѣплены два года

Вотъ они! Вотъ они!

тому назадъ трогательными проявленіями расположенія въ Кронштадтѣ, предметомъ которыхъ былъ нашъ флотъ. Эти узы съ каждымъ днемъ становятся тѣснѣе, и честный обмѣнъ нашихъ дружественныхъ чувствъ долженъ вдохновить всѣхъ тѣхъ, которые принимаютъ къ сердцу благодѣянія мира. Великій Русскій Императоръ, Который васъ, господа, послалъ и Котораго я привѣтствую отсюда, ввѣрилъ вамъ высокую миссію; вы исполняете ее съ достоинствомъ. Поздравляю васъ съ благополучнымъ прибытіемъ». Контръ-адмиралъ Авелань отвѣчалъ словами глубокой благодарности.

Мы не станемъ описывать всѣ празднества, устроенныя французами въ Парижѣ, въ честь своихъ русскихъ друзей: роскошь и хлѣбосольство обѣдовъ, завтраковъ и ужиновъ, народные и военные праздники, волшебный блескъ иллюминацій, фейерверковъ и

факельныхъ шествій, чудеса изящества и богатства на балахъ и театральныхъ представленіяхъ, которые волшебнымъ праздникомъ окружали русскихъ въ Парижѣ. Мы, конечно, цѣнимъ не то только, что всѣ эти празднества и убранство столицы Франціи стоили милліонныхъ денегъ, а больше всего то глубокое чувство горячей неподдѣльной дружбы къ Россіи и ея народу, которое охватывало и волновало всѣхъ французовъ. Оно проникало не однихъ только правительственныхъ лицъ, а и всѣхъ, самыхъ послѣднихъ, ремесленниковъ и рабочихъ, и стариковъ и дѣтей, и женщинъ и мужчинъ. Сами французы изумились этому. Тогда у нихъ не стало ни споровъ, ни раздоровъ. Не произошло, при движеніи громадныхъ восторженныхъ массъ народныхъ, ни одного самомалѣйшаго безпорядка. Въ упоеніи дружбы съ Россіей, никто не позволилъ себѣ омрачить свѣтлыхъ дней ни однимъ словомъ вражды даже къ завѣдомымъ врагамъ Франціи, чтобы не вовлекать своихъ друзей въ свои тяжелые счеты, чтобы не поставить ихъ въ неловкое положеніе...

Особенно трогательно было то, какъ относились французы ко всему, что наиболѣе драгоцѣнно для сердца русскихъ людей, что трогаетъ самыя глубокія струны русской души. Пріятнымъ для насъ знакомъ вниманія было то, что французы, не безъ труда, конечно, выучились по-русски пѣть нашъ народный гимнъ, что они поставили въ своемъ театрѣ нашу оперу родного намъ Глинки: «Жизнь за Царя», старались, чтобы наши моряки чувствовали себя какъ дома и имѣли подъ рукой все, къ чему привыкли въ Россіи. Но болѣе всего, до слезъ, растрогало русскихъ то, какъ французы выражали горячую любовь свою къ Царю Русскому, уваженіе къ нашей православной вѣрѣ, почтеніе къ духу русскаго народа, къ храбрости его воинства, къ нашему русскому генію...

Безчисленное множество портретовъ Царя и Царицы, выставленныхъ въ окнахъ домовъ Парижа и продававшихся на всѣхъ улицахъ, хвалы благородству, справедливости и величію нашего Монарха, восторженные крики ура въ честь Его— все это радовало нашихъ моряковъ, и имъ казалось, что они находились не во Франціи, а въ Россіи.

Роднымъ повѣяло на русскихъ во Франціи, когда ея духовные пастыри, а за ними и народъ, въ чувствѣ благодарности за дружбу Россіи, обратились къ Богу и молитвѣ.

Первымъ дѣломъ нашихъ моряковъ, по пріѣздѣ въ столицу Франціи, было отправиться въ нашу Русскую Православную церковь помолиться Богу, отслужить молебенъ. Французы, узнавши это, не только массами стеклись къ ней, но и за-

няли весь путь къ Русскому храму, разубрали цвѣтами и зеленью церковную ограду и во множествѣ молились въ нашей православной церкви, во время службы, которая была совершена русскимъ духовенствомъ. Русскій адмиралъ, вмѣстѣ съ нашими офицерами, счелъ своимъ долгомъ затѣмъ посѣтить Парижскаго архіепископа (по-нашему—митрополита)—Кардинала Ришара. Старецъ-первосвятитель французской церкви, окруженный высшими духовными лицами Парижа, съ глубокимъ сочувствіемъ встрѣтилъ на своемъ подворьѣ русскихъ гостей,

Входъ русскихъ моряковъ въ русскую церковь въ Парижѣ.

благословилъ ихъ и въ прочувствованныхъ выраженіяхъ высказалъ радость видѣть, среди французскаго духовенства, представителей великаго русскаго народа. Поблагодаривъ архіепископа за его благожеланія, русскій адмиралъ выразилъ ему еще благодарность и за то, что, два года назадъ, изъ Каѳедральнаго Собора Парижской Богоматери, возвращены

Россіи двѣ хоругви, взятыя французами въ 1855 году въ Евпаторіи. Архіепископъ Парижскій былъ этимъ глубоко тронутъ.

Этотъ первосвятитель Франціи, особымъ пастырскимъ посланіемъ, приказалъ Парижскому духовенству, по случаю прибытія во Францію русскихъ Царскихъ посланцевъ, отслужить благодарственный молебенъ и пропѣть гимнъ: «Тебе Бога хвалимъ» во всѣхъ храмахъ столицы Франціи. Самъ же Кардиналъ, при громадномъ стеченіи народа, въ сослуженіи другихъ епископовъ и высшаго духовенства, совершилъ Богослуженіе въ величественномъ храмѣ «Сердце Христово» на Монмартрѣ. Церковь была украшена по-праздничному; пѣлъ дивный хоръ пѣвчихъ.

Передъ молебномъ старшій аббатъ (по-нашему, архимандритъ) взошелъ на каѳедру и громкимъ голосомъ, среди глубокой тишины, прочелъ слѣдующую молитву:

«Франція глубоко вѣруя въ Тебя, Господи, и ожидая отъ Тебя великихъ и богатыхъ милостей, воздвигла Тебѣ этотъ храмъ по всенародному обѣту. Въ чувствѣ любви къ отечеству, которое нынѣ наполняетъ всѣ французскія сердца, мы хотимъ видѣть доказательство Твоего милосердія и залогъ Твоей любви къ Франціи.

«Тебѣ, Господи, хвала, любовь и благодарность. Слава Тебѣ, Боже!

«О, Іисусе Христе, Ты, принесшій миръ въ міръ, сохрани союзъ между двумя христіанскими народами и благослови дружбу, которая соединяетъ сердца этихъ великихъ народовъ».

Во время молебна, исполненнаго хоромъ въ пятьдесятъ человѣкъ, два мальчика, стоявшіе по обѣ стороны главнаго соборнаго алтаря, держали русское и французское знамена.

Архіепископъ благословилъ молящихся въ то время, когда хоръ исполнялъ заупокойную пѣснь объ упокоеніи души маршала Макъ-Магона, скончавшагося въ это время въ Парижѣ; въ похоронахъ этого знаменитаго французскаго военачальника участвовали наши моряки и возложили на его гробъ роскошный вѣнокъ отъ имени Россіи.

Такое сочувствіе горю Франціи очень тронуло и утѣшило французское войско и весь народъ.

Вѣсть о томъ, что уважаемый старецъ—первосвятитель Франціи, съ высоты церковной каѳедры, призываетъ Божіе благословеніе на сближеніе Франціи и Россіи, облетѣла Россію и глубоко тронула у насъ всѣхъ русскихъ людей и я, какъ одинъ изъ таковыхъ, слѣдуя порыву своихъ истинно русскихъ чувствъ, отправилъ во Францію слѣдующую телеграмму:

Парижъ.—Парижскому архіепископу, кардиналу Ришару.

Ваше высокопреосвященство.

«Празднества, которыми Франція такъ честно, нелицемѣрно привѣтствуетъ въ эти дни, въ лицѣ русскихъ моряковъ, залогъ несокрушимаго союза двухъ великихъ народовъ, обезпечивающаго имъ всѣ блага долговѣчнаго общаго мира, вызвали по всему пространству громадной Русской Имперіи самый сочувственный отголосокъ. Нынѣ телеграфъ оповѣстилъ насъ, что въ вашемъ пастырскомъ посланіи, ваше высокопреосвященство, признали въ сердечномъ союзѣ русскаго и французскаго народовъ благословеніе Божіе, осѣнившее Францію. Воодушевляемый высоко религіозными чувствами, вы, съ высоты архіепископской каѳедры, въ столицѣ Франціи, постигли, что въ столь знаменательномъ, при нынѣшнихъ историческихъ условіяхъ, сближеніи двухъ народовъ, могучая, скрѣпляющая сила можетъ истекать только отъ Всевышней Силы, отъ благословенія Всемогущаго Бога. Русская исторія представляетъ много свидѣтельствъ о непосредственномъ участіи Божественнаго Промысла въ судьбахъ Россіи, всегда вѣрной Богу. На святой Руси, гдѣ всякое благое дѣло завершается молитвой, гдѣ девизъ народа—жить и умереть «за Вѣру, Царя и Отечество», молитвы, творимыя нынѣ во Франціи, по почину вашего высокопреосвященства, производятъ уже и, несомнѣнно, произведутъ въ отдаленнѣйшихъ углахъ земли Русской самое глубокое впечатлѣніе, укрѣпляющее вѣру въ незыблемость союза двухъ націй, а слѣдовательно и въ прочность общаго мира и общаго благосостоянія. Какъ бывшій долгое время старостою Исаакіевскаго собора, какъ издатель безплатныхъ книжекъ духовно-нравственнаго содержанія, распространеніе коихъ достигло уже нѣсколькихъ милліоновъ экземпляровъ, я дерзаю обратиться къ вашему высокопреосвященству съ этимъ почтительнымъ заявленіемъ. Евгеній Богдановичъ».

На эту телеграмму архіепископъ парижскій отвѣтилъ слѣдующею телеграммою:

«Чрезвычайно тронутый чувствами, вами выраженными, кардиналъ, архіепископъ парижскій, непрестанно будетъ молить Бога, да благословитъ Онъ дружбу, связывающую сердца двухъ великихъ народовъ, и да обрѣтутъ всѣ христіанскія націи въ этомъ союзѣ залогъ мира и безопасности». «Кардиналъ Ришаръ».

Но этимъ не окончился обмѣнъ съ парижскимъ архіепископомъ нашихъ мыслей и чувствъ. Уже послѣ отплытія нашихъ моряковъ изъ Франціи, я обратился къ первенствующему іерарху Франціи съ слѣдующимъ письмомъ, которое было съ

большимъ сочувствіемъ напечатано во всѣхъ французскихъ газетахъ:

«Ваше высокопреосвященство! Вы были столь благосклонны, удостоивъ отвѣтомъ привѣтственную телеграмму, продиктованную мнѣ раздѣляемыми всею вѣрующею Россіей чувствами глубочайшей признательности Вашему высокопреосвященству за вашъ благой починъ призванія Божія благословенія на узы сердечной дружбы между Россіей и Франціей.

«Я не смѣю относить лично къ себѣ этотъ высокій знакъ вниманія вашего, но, какъ христіанинъ и какъ русскій, я испытываю живѣйшую радость при мысли, что недавнія торжества взаимной дружбы Россіи и Франціи, въ первый, но, будемъ надѣяться, не въ послѣдній разъ, соединили передъ святымъ алтаремъ два народа въ общей молитвѣ, навѣянной «единымъ сердцемъ и едиными устами».

«У насъ, въ Россіи, чтятъ и любятъ Францію, преимущественно какъ страну высокаго просвѣщенія и высокаго развитія на всѣхъ поприщахъ ума и таланта. Но религіозная жизнь французскаго народа большинству русскихъ мало знакома; а между тѣмъ, во всѣхъ слояхъ русскаго народа, дѣло вѣры стоитъ впереди всѣхъ другихъ дѣлъ. Такое невѣдѣніе относительно религіозной жизни французскаго народа не могло не мѣшать тѣснѣйшему внутреннему единенію обоихъ народовъ. Позволю себѣ сказать болѣе: многихъ русскихъ не могла не тревожить мысль о томъ, что въ области религіозно-нравственной жизни между Россіей и Франціей слишкомъ глубокое различіе... Мнѣніе это—продуктъ поверхностныхъ наблюденій—получило передъ цѣлымъ міромъ убѣдительнѣйшее опроверженіе, когда Франція, по призыву вашего высокопреосвященства, склонилась въ благоговѣйной молитвѣ за Россію. Русское сердце глубоко и радостно потрясено трогательнымъ воспоминаніемъ объ этомъ недавнемъ, столь знаменательномъ торжествѣ и сохранитъ это воспоминаніе навсегда, какъ самый дорогой залогъ неразрывной дружбы, на жизнь и смерть, съ великою французскою націей.

«Въ заключеніе, дозвольте мнѣ обратить вниманіе вашего высокопреосвященства, что прибытіе русской эскадры въ Тулонъ совпало со днемъ великаго у насъ церковнаго торжества, вызывающаго въ русскомъ народѣ глубокое религіозное воодушевленіе, съ праздникомъ Покрова Пресвятыя Богородицы, дарующей свое небесное благословеніе всѣмъ вѣрующимъ.

«Не откажите, на память объ этихъ незабвенныхъ чувствахъ христіанской радости, пробужденію которыхъ столь много способствовалъ вашъ архипастырскій починъ, оказать

мнѣ честь принятіемъ прилагаемыхъ моихъ трудовъ, изданныхъ на французскомъ языкѣ и имѣющихъ близкое отношеніе къ предмету настоящаго письма: «Исаакіевскій соборъ» и «Къ серебряной свадьбѣ Царя и Царицы».

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и пр.

«Евгеній Богдановичъ».

Въ отвѣтъ на это я получилъ изъ Франціи слѣдующее полное интереса письмо архіепископа Парижскаго:

«Милостивый Государь! Прошу васъ извинить невольное замедленіе моего отвѣта на письмо, которое вы изволили написать мнѣ, отъ 23-го ноября. Непрерывныя занятія по моему служенію въ Парижѣ не оставляли мнѣ свободной минуты.

«Я очень тронутъ возвышенными чувствами, выраженными вами по поводу сближенія Россіи и Франціи. Вы прекрасно и вѣрно указываете на то, что только вѣра можетъ создать искреннюю и тѣсную связь между народами. Русскій народъ, глубоко религіозный, умѣлъ оцѣнить проявленіе французскаго благочестія въ томъ Te Deum (Тебе Бога хвалимъ), который исполненъ былъ въ церквахъ Парижа, а затѣмъ и всей Франціи, по случаю посѣщенія русской эскадры.

«И дѣйствительно, несмотря на нерѣдко обнаруживающіеся у насъ печальные факты невѣрія и равнодушія къ религіи, Франція тѣмъ не менѣе остается страною истинно христіанскою. Храмъ, посвященный, по народному обѣту, сердцу Христову (Sacré Coeur), гдѣ мною торжественно отслуженъ былъ молебенъ, который такъ тронулъ васъ—русскихъ, служитъ блистательнымъ доказательствомъ этого, такъ какъ величественный храмъ этотъ создался изъ добровольныхъ пожертвованій вѣрныхъ, и каждый камень въ немъ, можно сказать, есть выраженіе вѣры и благочестія.

«Вамъ угодно было, ваше превосходительство, напомнить, что русская эскадра вступила въ Тулонъ именно въ день чествованія въ Россіи великаго праздника Покрова Пресвятыя Богородицы. Франція равнымъ образомъ чтитъ сыновнимъ поклоненіемъ Пречистую Дѣву Марію. Парижскій каоедральный соборъ, посвященный Богоматери, подъ именемъ «Notre Dame de Paris», есть вѣчный памятникъ такого поклоненія въ самой столицѣ Франціи.

«Что же касается меня, то со дня, въ который мы увѣнчали франко-русскія празднества торжественнымъ религіознымъ актомъ, я не переставалъ молить Бога о ниспосланіи благословенія на союзъ двухъ великихъ народовъ, чтобы, согласно

обѣщанію Божественнаго Учителя въ Евангеліи, въ мірѣ было одно стадо и одинъ пастырь.

«Прошу васъ принять и проч.

«Франсуа, кардиналъ Ришаръ, архіепископъ парижскій».

Парижъ, 18-го декабря 1893 года.

Въ виду того, что религія для народовъ имѣетъ огромное значеніе, мы не должны умолчать и о другихъ проявленіяхъ религіознаго чувства во Франціи, въ знаменательные дни пребыванія тамъ русскихъ моряковъ.

Съ первыхъ же минутъ вступленія русскихъ на дружественную землю Франціи, было ясно, что ея духовенство стоитъ за Россію. На всѣхъ церквахъ Тулона, на самыхъ видныхъ мѣстахъ ихъ фасадовъ, красовались золотыми буквами надписи по-русски: «Боже, Царя храни», а подъ этимъ уже по-французски: «Боже, храни Францію»... Наши іеромонахи, прибывшіе на броненосцахъ, были приглашены старшимъ духовенствомъ Тулона посѣтить Соборъ Пресвятой Дѣвы Маріи и другіе храмы этого города и тамъ, вмѣстѣ съ французскимъ духовенствомъ, предъ алтарями колѣнопреклоненно молились о Франціи и Россіи.

Предъ отъѣздомъ изъ Франціи русской эскадры, въ присутствіи Президента Франціи и нашихъ моряковъ, происходило торжественное освященіе новаго французскаго бронепосца, въ память адмирала Жорегибери.

При этомъ, французскій епископъ, совершавшій священнодѣйствіе, въ рѣчи своей, высказалъ, что ввѣренное ему духовенство съ величайшимъ и горячимъ рвеніемъ присоединяется къ чувствамъ, заставляющимъ въ эту минуту французскія сердца «биться съ столь трогательнымъ единодушіемъ». «Я—говорилъ этотъ достойный служитель алтаря—счастливъ, что могу громко выразить то, что чувствовали эти сердца, полныя гордости и любви къ отечеству и полныя симпатій и влеченій къ славному другу, посѣтившему насъ». Обращаясь къ начальнику русской эскадры, французскій епископъ сказалъ: «Вы видѣли морскія и военныя силы Франціи, видѣли неизсякаемыя промышленныя силы ея,—видѣли Францію, раскрывшую свои объятія для пріема своихъ благородныхъ друзей. Но, когда вы будете отдавать отчетъ своему Государю о томъ, что развертывалось предъ вашими глазами, скажите Ему, что видѣли также Францію, молящуюся за Него и за Его великій русскій народъ»...

Епископы другихъ епархій Франціи, въ окружныхъ пастырскихъ посланіяхъ своихъ, предписали духовенству, въ празд-

никъ всѣхъ святыхъ, отслужить въ церквахъ благодарственные молебны. Одинъ изъ этихъ іерарховъ писалъ: «Мы понимаемъ великое значеніе франко-русскихъ торжествъ: они ясно указываютъ на всесильное вліяніе, которое союзъ двухъ великихъ государствъ и народовъ окажетъ на міръ Европы»....

Заслуживаетъ также нашего вниманія исполненное сочувствія и уваженія отношеніе французовъ къ духу русскаго народа, какъ проявлялся онъ въ войнѣ и мирѣ. Французы не утаили отъ насъ того, что даже изъ войнъ съ нами они вынесли и сохранили прекрасныя воспоминанія о геройской храбрости, беззавѣтномъ благородствѣ и поражающемъ благодушіи, коими всегда отличались русскіе воины, до солдата включительно. Не даромъ и въ нашемъ войскѣ и во флотѣ до сего времени хранятся воспоминанія, изъ нашей севастопольской войны, что нѣтъ лучше французовъ, что они—не чета ни англичанамъ, ни итальянцамъ, ни всѣмъ другимъ. Въ часы перемирій, перерывавшихъ наши битвы, подъ Севастополемъ, при уборкѣ раненыхъ и убитыхъ, наши солдатики по-дружески сходились съ французами и угощали другъ друга и табакомъ, и хлѣбомъ, кто чѣмъ могъ, чѣмъ Богъ кому послалъ.

Воспоминанія объ этомъ не разъ подпимались во время военныхъ и народныхъ праздниковъ во Франціи и на упомянутыхъ уже похоронахъ маршала Макъ-Магона. Вотъ отчего съ такимъ восторгомъ французы поднимали заздравные кубки въ честь русской арміи и флота и вспоминали нашего доблестнаго генерала Скобелева и другихъ героевъ нашихъ. Престарѣлый маршалъ Канроберъ, сражавшійся съ русскими подъ Севастополемъ, краснорѣчиво выразилъ это,—онъ встрѣтилъ нашихъ моряковъ у себя въ домѣ, въ полной парадной формѣ и съ русской лентою Св. Андрея Первозваннаго, высказалъ имъ чувства глубочайшей симпатіи къ Россіи и русскимъ, которыхъ, какъ выразился онъ, «позналъ хорошо, подъ Севастополемъ, также какъ и геройскія, рыцарскія, полныя благородства ихъ чувства». Чтобы показать свою любовь и уваженіе къ Россіи, ея войску и флоту, маститый маршалъ ѣздилъ съ визитомъ, несмотря на свой глубоко преклонный возрастъ, въ домъ, гдѣ жили, въ Парижѣ, наши моряки. Тѣ же чувства, на военномъ завтракѣ у военнаго министра Франціи, выражалъ и губернаторъ города

Парижа генералъ Сосье. Поднимая заздравный кубокъ, этотъ знаменитый во всей Франціи другъ Россіи сказалъ:

«Господа!

«Я счастливъ, что военный и морской министры поже-

Генералъ Сосье, военный губернаторъ Парижа.

лали, чтобы я, въ качествѣ предсѣдателя военнаго общества, сказалъ нѣсколько словъ.

«Я этимъ пользуюсь съ восторгомъ, чтобы провозгласить тостъ за здоровье Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора и Государыни Императрицы, и всего русскаго Царствующаго Дома.

«Отдавши эту честь Государю, Котораго Франція горячо любитъ и благоговѣйно уважаетъ, я пью теперь за нашихъ гостей, за нашихъ сотоварищей русскаго флота. Выражая имъ сожалѣніе, что дни, которые они прожили съ нами, пронеслись такъ быстро, мы надѣемся, по крайней мѣрѣ, что они сохранятъ о насъ добрую память, какъ и мы относительно ихъ сохранимъ эту память, какъ драгоцѣнность, въ нашихъ сердцахъ.

«Мы убѣждены, что большое разстояніе, которое насъ раздѣлитъ, не ослабитъ узы, насъ соединяющія.

«Господа! За великій и рыцарскій народъ! За Россію!»

Тостъ былъ покрытъ шумными рукоплесканіями.

Адмиралъ Авеланъ отвѣчалъ:

«Искренно благодарю васъ за ваши слова. Я благодарю вмѣстѣ съ тѣмъ представителей французскихъ арміи и флота, которые выказали намъ такое, никогда не забываемое, сочувствіе.

«Отъ имени всѣхъ насъ, я могу васъ завѣрить, что во всѣ дни нашей жизни мы будемъ гордиться, что могли поднять сегодня тостъ за здравіе французскихъ арміи и флота».

И самъ Президентъ Франціи, съ живымъ одушевленіемъ, съ такими словами поднялъ на одномъ изъ пировъ здравицу въ честь русскихъ военныхъ силъ:

«Я пью за здоровье Русскаго флота, представители котораго находятся здѣсь, за русскую армію суши, сестру арміи водъ, и вообще за весь русскій народъ»...

Даже французскій епископъ, освящавшій, какъ уже было сказано, въ Тулонской пристани новый броненосецъ, сказалъ слѣдующее: «Призвавъ Бога мира, призовемъ также и Бога воинства. Мы твердо убѣждены, что новый нашъ французскій броненосецъ, когда грянетъ часъ, безбоязненно бросится въ битву, рука объ руку, съ военными судами нашихъ русскихъ друзей, которые стоятъ тутъ посреди насъ, въ братскомъ единеніи съ нами»...

Но воздавая честь и хвалу военному гепію Россіи, французы выражали русскимъ, какъ высоко цѣнятъ они ея мирные успѣхи на поприщѣ труда, промышленности, торговли и просвѣщенія, и высказывали, что молодой и высоко одаренный талантами русскій народъ, потрудившійся много и много въ дѣлѣ образованія, скажетъ еще свое новое, національно-русское слово, которое пополнитъ пробѣлы и недостатки образованности на Западѣ. «Душа—душѣ и сердце—сердцу вѣсть подаютъ», говоритъ старинная русская пословица....

. . . . . .

Вспоминая объ этихъ величественныхъ празднествахъ и выраженіяхъ народныхъ мыслей и чувствъ, мы не можемъ умолчать, что ими не исчерпывалась дружба и радушіе французовъ: они засыпали русскихъ подарками и подношеніями. Мы говорили о золотыхъ и серебряныхъ брошкахъ и кольцахъ, которыя матери, жены и сестры французовъ черезъ посредство г-жи Адамъ переслали семьямъ нашихъ моряковъ въ Россію. Трудно

перечислить всѣ поднесенные русскимъ морякамъ золотые и серебряные сервизы, кубки, вазы, художественныя картины и статуи, медали, кошельки съ золотыми монетами въ пользу семействъ тѣхъ моряковъ, которые погибли на «Русалкѣ», и проч. Но мы не можемъ не остановиться на слѣдующихъ особенно выдающихся подаркахъ:

Населеніе 1800 общинъ Лотарингіи, чрезъ нашего посла, поднесло Государю Императору «Золотую книгу», представляющую чудо искусства Франціи.

На первой страницѣ этой книги, среди чудесныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ лучшими французскими художниками, красуются слѣдующія строки:

«Иди, золотая книга Лотарингіи, къ берегамъ Невы, въ Москву, на Уралъ, къ Каспію, въ глубину Азіи, вездѣ, гдѣ развѣвается русскій флагъ,—иди и пѣсни братскій душевный поклонъ дружескаго французскаго народа.

«Разскажи тамъ, что на этой чисто французской землѣ никто изъ насъ не забываетъ, какъ въ прошломъ (1892 г.) году, при знаменательныхъ обстоятельствахъ, Нанси, нашъ старый главный городъ, былъ посѣщенъ Его Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Это воспоминаніе запечатлѣлось въ нашихъ сердцахъ.

«Кронштадтъ, Нанси, Тулонъ—три памятныя событія въ нашей исторіи, три звена одной и той же цѣпи, — залогъ дружбы и довѣрія между двумя великодушнѣйшими рыцарскими народами.

«Мы сознаемъ всѣ обязанности, которыя налагаетъ на насъ такое выраженіе симпатіи. Мы, патріоты и солдаты, съумѣемъ исполнить до конца свой долгъ и доказать свою безграничную преданность».

Когда наши моряки посѣтили славящійся во всемъ свѣтѣ своими шелковыми и бархатными фабриками Ліонъ, тамошнее купечество, чрезъ свою торговую палату, передало нашимъ морякамъ подарокъ, чтобы онъ былъ повергнутъ къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, нашей Государыни Императрицы. Этотъ подарокъ состоитъ изъ десяти платьевъ—настоящихъ чудесъ Ліонской мануфактуры. Эти платья изъ тисненаго бархата, изъ чудныхъ шелковыхъ и муаровыхъ матерій, вышитыхъ цвѣтами и разукрашенныхъ драгоцѣнными перьями.

Представитель Ліонскихъ фабрикантовъ, передавая нашимъ морякамъ эти подношенія, сказалъ:

«Шелковыя фабрики Ліона искони вѣковъ имѣютъ привилегію быть поставщиками Вѣнценосцевъ. Въ силу этого, ліонская торговая палата осмѣливается поднести свои дары Русской

Царицѣ, хотя хорошо знаетъ, что они не могутъ ничего прибавить къ блеску Той, Которая своимъ изяществомъ и добродѣтелями сіяетъ на первомъ тронѣ міра.

«Да благоволитъ Ея Императорское Величество Государыня Императрица видѣть въ нашемъ подношеніи лишь доказательство благоговѣнія передъ

Знамя, поднесенное Москвѣ городомъ Ліономъ.

Ея Величествомъ, со стороны представителей мануфактуръ и торговли Ліона—второго города Франціи».

Тотъ же Ліонъ недавно прислалъ въ даръ Москвѣ великолѣпное шелковое знамя.

Заслуживаютъ также вниманія посылавшіяся изъ французскихъ народныхъ школъ, гимназій, лицеевъ и университетовъ въ Россію нашему учащемуся юношеству безчисленныя телеграммы, письма и стихи, въ честь Государя нашего, Россіи и всего народа русскаго. Сколько во всемъ этомъ свѣтилось и теплилось искренней, горячей дружбы!...

Мы долго не кончили бы своего повѣствованія, если бы захотѣли перечислить всѣ проявленія дружбы французскаго народа къ Россіи... Но, не можемъ не упомянуть, что въ тотъ самый день, когда наша броненосная эскадра уходила отъ дружественныхъ береговъ Франціи, нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ отправилъ, 16 октября, русскому послу въ Парижѣ слѣдующую телеграмму: «Государь Императоръ поручаетъ вамъ быть выразителемъ Его искренней благодарности правительственнымъ органамъ и представителямъ всѣхъ классовъ общества, участвовавшихъ въ блестящей и сердечной встрѣчѣ русской эскадры во Франціи. Его Величество очень тронутъ чувствами симпатіи и дружбы, такъ прекрасно выраженными въ этомъ случаѣ».

Телеграмма Государя Императора, на имя Президента Франціи, приведенная въ самомъ началѣ нашей книжки, а также и эта телеграмма были разосланы во всѣ концы Франціи и выставлены для чтенія народомъ во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и всюду вызывали чувства живѣйшей радости.

Такимъ образомъ, необычайныя празднества во Франціи въ честь Россіи закончились великимъ актомъ — многознаменательнымъ Словомъ Русскаго Царя. Тепло и благодатно отозвалось это слово въ сердцѣ всего французскаго народа. Громовыми раскатами прозвучало оно во всѣхъ концахъ міра громче, чѣмъ пушечные выстрѣлы на рейдѣ Тулона и радостные возгласы милліонныхъ народныхъ массъ въ минувшія празднества Франціи. Когда время изгладитъ подробности франко-русскихъ торжествъ, исторія будетъ повторять Царственныя слова о совершившемся сближеніи Россіи и Франціи:

«*Доказательства живой симпатіи, проявившіяся еще разъ такъ красноръчиво, прибавили новое звено къ узамъ, соединяющимъ обѣ страны*» — сказалъ Державный Вождь Россіи.

Что же значитъ эта такъ громко и искренно явившая себя міру дружба Франціи и Россіи? Гдѣ коренится она и откуда истекаетъ? На чемъ держатся взаимное тяготѣніе двухъ великихъ народовъ и дружескія узы, ихъ соединяющія?

Пристально всматриваясь во взаимныя отношенія этихъ государствъ, мы находимъ, что наши владѣнія и земли Франціи лежатъ на разныхъ концахъ Европы. Мы живемъ на востокѣ, а французы на западѣ, и ни въ какихъ интересахъ, ни въ торгово-промышленныхъ, ни въ политическихъ, не сталкиваемся

Великій Князь Ярославъ Мудрый, благословляющій свою дочь Анну Ярославну на замужество съ французскимъ Королемъ Генрихомъ I.

другъ съ другомъ. Напротивъ того, кто вреденъ Франціи, тотъ вреденъ бываетъ и намъ, и выходитъ такъ, что и симпатіи и антипатіи у насъ общія. Уже вслѣдствіе этого, вполнѣ естественно Франціи и Россіи дружить взаимно и соединять свои могучія силы для отпора всякимъ посягательствамъ на миръ народовъ.

Самое сходство въ характерѣ русскаго и французскаго народовъ способствуетъ ихъ дружбѣ. «Сердце сердцу вѣсть подаетъ», какъ говоритъ русская пословица. Французы, какъ и мы, русскіе, откровенны, прямы, храбры, благородны и гостепріимны. Это и заставляло русскихъ не теперь только, но и всегда предпочитать всѣмъ другимъ иностранцамъ, именно французовъ. Это взаимное влеченіе двухъ народовъ много разъ сказывалось не только въ мирное время, но даже и во время войнъ.

Еще во времена сѣдой старины, въ XI вѣкѣ, у насъ завязались добрыя отношенія съ Франціей. Сынъ Равноапостольнаго Владиміра, Великій Князь Ярославъ Мудрый выдалъ свою дочь, Княжну Анну Ярославну за Французскаго короля Генриха I. За русскою невѣстою пріѣзжало въ нашъ Кіевъ французское посольство. Прибывъ во Францію, Русская Княжна была повѣнчана съ королемъ въ день Пресвятыя Троицы, 14 мая 1049 года. Французы полюбили русскую супругу своего короля, за ея набожность и щедрую помощь бѣднымъ и угнетеннымъ. Когда умеръ Генрихъ I, и на престолъ Франціи вступилъ его сынъ отъ королевы Анны, Филиппъ I, то она нѣсколько лѣтъ управляла страною. Въ новомъ ея отечествѣ никто не мѣшалъ ей исповѣдывать православную вѣру. Въ Парижскомъ національномъ архивѣ хранится до нашихъ дней грамота, подъ которой стоитъ подпись русскими буквами: «Анна». Отъ этой внучки Равноапостольнаго Владиміра произошло, въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, 30 французскихъ королей, кои были, какъ впослѣдствіи и наши Московскіе князья, собирателями и объединителями земель французскихъ. Въ періодъ Московской Руси, мы также имѣли сношенія съ Франціей. Въ нашихъ разрядныхъ книгахъ значится, что въ 1375 г. пріѣхалъ изъ Франціи въ Москву, на службу къ Димитрію Іоанновичу Донскому, «мужъ честенъ», именемъ Облагиня. Отъ этого уроженца Франціи произошли нѣкоторые болрскіе роды. При Великомъ Князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, въ 1408 году, переселился къ намъ изъ Франціи Дивонъ, стяжавшій себѣ геройскими подвигами названіе Храбраго. Отъ этого француза ведетъ свое начало родъ бояръ Дивовыхъ, имѣющихъ въ гербѣ своемъ три лиліи на голубомъ полѣ... Какъ во многихъ корояхъ Франціи текла русская кровь, такъ

во многихъ московскихъ боярскихъ родахъ чувствовалась французская кровь. Когда Россія еще до Петра Великаго обмѣнивалась съ Франціей посольствами, то французскіе послы свидѣтельствовали предъ Франціей, что русскій народъ имѣетъ въ себѣ задатки непобѣдимости и отличается глубоко-симпатичными чертами.

Послѣ знаменитой побѣды подъ Полтавою, надъ Шведами, Петръ I, желая союза съ Франціей, самъ отправился въ Парижъ. Русскій Царь-богатырь произвелъ сильное впечатлѣніе на французовъ. «Можно было бы—пишетъ одинъ изъ французовъ—безконечно разсказывать объ этомъ Царѣ, поистинѣ великомъ; его рѣдкіе, разнообразные таланты дѣлаютъ изъ него государя, достойнаго величайшаго удивленія; таковымъ онъ останется во мнѣніи самаго отдаленнаго потомства». Преобразователь Россіи осматривалъ во Франціи школы, оружейные заводы и фабрики, и многому научился тамъ и полюбилъ французовъ. Петръ остановился въ Парижѣ въ домѣ, принадлежавшемъ маршалу Виллеруа, а не въ Луврѣ, гдѣ ему было приготовлено помѣщеніе. Семилѣтній король Людовикъ XV посѣтилъ Русскаго Царя и при этомъ случаѣ весьма ловко сказалъ ему затверженную имъ рѣчь. Петръ былъ въ восхищеніи, цѣловалъ короля и бралъ его нѣсколько разъ на руки. На другой день Петръ отдалъ визитъ юному королю, который встрѣтилъ Русскаго Царя на нижнемъ крыльцѣ Тюльерійскаго дворца, окруженный маршалами и министрами Франціи. Петръ взялъ на руки Людовика XV и понесъ по лѣстницѣ, сказавъ при этомъ: «Всю Францію я на себѣ несу». Во Франціи смотрѣли на Петра, какъ на чудо, и всѣ имъ были очарованы. Хотя сношенія, на этотъ разъ установившіяся между нами съ Франціей, не принесли намъ пользы, но чрезъ нѣкоторое время содѣйствіе французскаго посла въ Царьградѣ избавило Россію отъ большихъ затрудненій. Другой французскій посолъ оказалъ въ это время давленіе на Швецію, при заключеніи мира, въ интересахъ пріобрѣтенія нами Балтійскаго побережья.

Хотя наши государственныя отношенія къ Франціи послѣ этого не были особенно близки, но общественныя сношенія съ нею стали необыкновенно живы и часты. Они развивались съ неудержимою и широко охватывающею силою. Наше воспитаніе, нравы, обычаи высшаго общества стали носить на себѣ печать образовательнаго вліянія Франціи. Вотъ почему французы даже до сего времени ближе сердцу русскому, чѣмъ англичане, нѣмцы, итальянцы. Французскій языкъ, столь благозвучный, сдѣлался у насъ очень распространеннымъ. Мы приглашали изъ Франціи офицеровъ, которые дрались объ руку съ нами

Встрѣча Петра I-го съ Людовикомъ XV.

противъ враговъ Россіи; даже вызвали французскаго контръ-адмирала Сентъ-Илера, основавшаго у насъ Морскую Академію. Изъ Франціи мы выписывали ученыхъ, учителей, книги...

Дочь Петра Великаго—глубоко русская по душѣ — Елизавета Петровна сердечно любила французовъ. Ея мудрый отецъ желалъ выдать ее замужъ за Орлеанскаго принца; хотя этотъ бракъ не состоялся, но дочь Петра I всегда любила французскую націю и почитала ея образованность, ея нравы и даже одежду.

Императрица Екатерина II посылала знатныхъ русскихъ людей учиться во Францію, и сама вела дружескую переписку съ ея знаменитыми писателями. Съ этого времени русскіе стали часто ѣздить во Францію и даже у себя дома жить на французскій ладъ, по тамошнимъ модамъ.

Изъ всѣхъ русскихъ путешественниковъ во Францію самое живое изображеніе характера французскаго народа нарисовалъ намъ славный историкъ нашъ Н. М. Карамзинъ, въ концѣ прошлаго вѣка посѣтившій эту страну. Вотъ что онъ писалъ о французахъ: «Скажу: огонь и воздухъ, и характеръ французовъ описанъ. Я не знаю народа умнѣе и пламеннѣе. Кажется, онъ выдумалъ, или для него выдумано общежитіе: столь мила его обходительность, и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми. Сіе искусство кажется въ немъ любезною природой. Никто, кромѣ него, не умѣетъ приласкать человѣка, однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкой; напрасно англичанинъ, или нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ—она чужая, принужденная. Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ отечествѣ, но послѣ Россіи для меня нѣтъ земли пріятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ чувствуетъ себя между своими»... Такъ судилъ о Франціи этотъ горячій патріотъ и историкъ Россіи, а его никакъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ чужеземному.

Въ періодъ смутъ во Франціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, Императоръ Павелъ Петровичъ гостепріимно принималъ въ Россіи родственниковъ французскаго королевскаго дома и французскихъ дворянъ. Онъ далъ пріютъ на Русской землѣ брату французскаго короля, царствовавшему впослѣдствіи во Франціи подъ именемъ Людовика XVIII, и давалъ ему содержаніе. Въ Волыни и Подоліи императоръ позволилъ размѣститься 7.000 французскихъ переселенцевъ, кои, подъ начальствомъ принца Конде, составляли корпусъ войска. Многіе французы были приняты тогда на русскую службу. Въ числѣ ихъ выдѣлялся, какъ знатностью, такъ и богатствомъ своимъ, герцогъ Ришелье. Добрый слуга Царю и Россіи, онъ основалъ, ровно сто лѣтъ

назадъ, нашу Одессу, съ помощью французскихъ инженеровъ устроилъ великолѣпную гавань для нея, прекрасно украсилъ новый городъ и учредилъ въ немъ высшее училище, названное Ришельевскимъ Лицеемъ. Въ августѣ текущаго года этотъ богатѣйшій по торговлѣ городъ Россіи будетъ чествовать свой столѣтній юбилей и своего основателя, прибывшаго къ намъ изъ Франціи.

Въ то же время, поселившіеся на благословенномъ югѣ нашемъ французы своими познаніями, энергіей и трудолюбіемъ способствовали подъему и процвѣтанію этого края. Насаждая французскія виноградныя лозы и разводя тамъ виноградники, они двинули впередъ русское винодѣліе; затѣмъ способствовали открытію и разработкѣ Донецкихъ каменно-угольныхъ залежей; положили начало тонкорунному овцеводству и цѣлому ряду фабрикъ и заводовъ.

Императоръ Павелъ, вмѣстѣ съ англичанами и австрійцами, воевавшій противъ французовъ, убѣдившись въ коварствѣ своихъ союзниковъ и благородствѣ Франціи, не только заключилъ съ нею миръ, но даже вступилъ въ союзъ и, гнѣваясь на Англію, двинулъ свои войска въ походъ на Индію.

Рѣдки были наши столкновенія съ Франціей въ войнѣ, но и они — обстоятельство, достойное вниманія — были вызваны не народными и государственными интересами французовъ, а были дѣломъ ихъ честолюбивыхъ правителей, такихъ, какъ Наполеонъ I, который, стремясь покорить весь міръ, привелъ въ 1812 году на насъ двадесять народовъ, и Наполеонъ III, который, въ союзѣ съ англичанами и итальянцами, велъ войну съ нами въ Крыму, подъ Севастополемъ, ради укрѣпленія своего шаткаго престола стяжаніемъ военной славы.

Замѣчательно, что послѣ этихъ войнъ дружеское расположеніе французскаго народа къ Россіи только усиливалось. Когда громадная армія Наполеона I погибла въ Россіи на поляхъ битвъ, на пожарищѣ Москвы и подъ нашими снѣгами, и русскія войска, перейдя границы, разгромили новыя полчища этого завоевателя, низложили его и взяли самый Парижъ, то французскій народъ съ восторгомъ и любовью встрѣтилъ въ своей столицѣ Русскаго Императора Александра Благословеннаго и русскія войска, видя въ Россіи свою освободительницу.

Въ свою очередь, крымская война, во время которой французы изумлялись доблести русскихъ, воздавая имъ заслуженную дань уваженія, вопреки ожиданіямъ, не оставила горечи ни у насъ, ни у французовъ, и даже увеличила наше взаимное расположеніе.

Русскіе люди, предавъ забвенію эти войны, платили Франціи за ея дружественныя чувства самымъ добрымъ расположеніемъ. Это особенно сказалось, когда, въ 1870 году, Франція была разгромлена Германской арміей. Въ эту тяжелую годину мы, русскіе, съ живымъ и горячимъ сочувствіемъ откликались на всѣ бѣды и пораженія Франціи. Когда въ 1875 г. покойный Государь Императоръ Александръ Николаевичъ своимъ мощнымъ словомъ остановилъ Германію отъ новаго разгрома тогда еще неоправившейся Франціи, то чувство благодарности къ Русскому Вѣнценосцу одинаково охватило Францію и Россію.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ всѣ истинно русскіе люди и въ числѣ ихъ покойный М. Н. Катковъ, съ удивительною проницательностью разъяснявшій наши государственные интересы и духъ нашего народа, проникнуты были живѣйшимъ сочувствіемъ къ Франціи, какъ доброму и сильному другу нашему. Во всѣхъ классахъ населенія, начиная съ нашего дворянства, господствуютъ тѣ же дружественныя чувства къ Франціи.

Чтимый во всей Россіи за свою высокую религіозность, великій народолюбецъ и благотворитель, знаменитый пастырь Кронштадтскій, отецъ Іоаннъ Сергіевъ, открыто выражалъ свое сочувствіе къ Франціи, еще по поводу прибытія въ Кронштадтъ французскихъ моряковъ и въ пору недавнихъ торжествъ во Франціи въ честь и славу Россіи. Особенно тепло этотъ доблестный и многолюбимый пастырь нашей Церкви отнесся къ тѣмъ молитвамъ, которыя возносила Франція за Русскаго Царя и Россію. Обаяніе отца Іоанна Кронштадтскаго проникло даже во Францію, откуда поступаютъ къ нему просьбы помолиться объ исцѣленіи болящихъ и, какъ намъ передавали, было уже во Франціи нѣсколько случаевъ чудеснаго исцѣленія, по молитвѣ отца Іоанна.

Что сочувствіе къ Франціи живетъ и въ другихъ классахъ народа, живымъ свидѣтельствомъ тому служитъ примѣръ покойнаго И. Г. Харитоненко. Этотъ замѣчательный русскій самородокъ, уроженецъ Харьковской губерніи, своей энергіей и умомъ создалъ въ Сумскомъ уѣздѣ громадные и образцовые сахарные заводы, на которыхъ находятъ заработки тысячи рабочихъ, пользующихся отличнымъ содержаніемъ и безплатными школами и больницами; онъ поднялъ въ своемъ краѣ земледѣліе и скотоводство и устроилъ цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій.

И. Г. Харитоненко былъ большой другъ Франціи. Пятидесяти лѣтъ отъ роду онъ научился французскому языку; во время заграничныхъ своихъ путешествій, изучалъ французскую

промышленность и сельское хозяйство, пользовался и у себя ихъ усовершенствованіями, привлекалъ въ Россію французскихъ техниковъ. Этотъ достойный русскій дѣятель всегда выражалъ горячія симпатіи къ Франціи. Въ 1874 г. заговорили о новой войнѣ, которую Германія готовилась объявить Франціи. Всѣ взгляды устремились тогда на Русскаго Царя, какъ могучаго посредника и защитника. Харитоненко явился на Харьковскій вокзалъ на встрѣчу Царя, который возвра-

Братина, поднесенная генералу Сосье русскимъ патріотомъ И. Г. Харитоненко.

щался тогда изъ Ливадіи (въ Крыму) въ Петербургъ, и, въ присутствіи всѣхъ губернскихъ властей, сказалъ Государю: «Ваше Величество! если Россіи предстоитъ война за правое дѣло, я, Харитоненко, вооружу и буду содержать на свой собственный счетъ, въ продолженіе всей войны, кавалерійскій полкъ». Эти смѣлыя слова, 18 лѣтъ до Кронштадтской встрѣчи, имѣли огромную извѣстность въ Россіи и даже за границей.

Въ 1886 году генералъ Сосье, губернаторъ Парижа, на могилѣ доблестнаго французскаго генерала Питье, произнесъ слова, полныя задушевныхъ чувствъ къ Россіи. Говоря объ участіи покойнаго въ Севастопольской войнѣ, онъ высказалъ, между прочимъ, что «подъ стѣнами Севастополя не было побѣжденныхъ, были только побѣдители». Нѣсколько недѣль послѣ этого, генералъ Сосье получилъ изъ Москвы художественное произведеніе—золотую рѣзную братину на блюдѣ, изящнаго русскаго рисунка, и при этомъ письмо. Вотъ отрывокъ изъ него: «Я пріемлю смѣлость поднести вамъ, генералъ, нашу національную братскую эмблему, которая на русскомъ нарѣчіи носитъ характерное имя идеи о братствѣ: «Братина», и я прошу васъ симъ письмомъ принять ее. Въ нашей старой Россіи вѣковымъ народнымъ обычаемъ установилось, что, въ знакъ дружескихъ отношеній и братскихъ узъ, ѣдятъ изъ одной посуды и одною и тою же ложкой. Пусть эта братина напомнитъ вамъ, генералъ, впечатлѣніе честное и доброе, которое ваши сердечныя и рыцарскія слова произвели въ Москвѣ и во всей Россіи. И. Г. Харитопенко».

И. Г. Харитопенко былъ замѣчательнѣйшій землевладѣлецъ, опытный промышленникъ и отзывчивый патріотъ, до самой смерти мечтавшій о сближеніи Россіи съ Франціей. Такъ въ разныхъ слояхъ нашего народа подготовлялось нынѣшнее сближеніе Франціи и Россіи.

Съ этого времени, въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, французы стали выражать живыя и глубокія симпатіи къ Россіи при каждомъ соотвѣтствующемъ событіи или случаѣ, особенно при появленіи сколько-нибудь выдающихся русскихъ на французской землѣ. Кто не читалъ въ газетахъ, какъ тепло и сочувственно встрѣчали у себя французы нашихъ моряковъ, нашихъ военныхъ, въ особенности генерала Скобелева, нашихъ общественныхъ дѣятелей и писателей. Прибытіе во Францію Высочайшихъ Особъ, каждый разъ, было тамъ дорогимъ праздникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и правительство Франціи стало дѣйствовать заодно съ нашимъ правительствомъ въ различныхъ политическихъ вопросахъ, стало изгонять изъ своей земли злоумышленныхъ враговъ Россіи — анархистовъ и нигилистовъ, и съ большою охотою открыло свои биржи для пріобрѣтенія русскихъ процентныхъ бумагъ, которыя, въ силу особыхъ экономическихъ замысловъ, были вытѣснены изъ Германіи; въ то же время оно заботилось о развитіи торговыхъ сношеній съ нами и въ 1890 году открыло французскую художественно-промышленную выставку въ Москвѣ.

Когда, послѣ посѣщенія французскими моряками Кронштадта, Петербурга и Москвы, наступили, наконецъ, достопамятные октябрьскіе дни Тулона и Парижа, отмѣченные безпримѣрными проявленіями дружбы къ Россіи, то весь русскій народъ обратилъ свои сочувственные взоры на Францію. Онъ узналъ подробности тамошнихъ торжествъ изъ писемъ нашихъ матросовъ на родину, и изъ устныхъ разсказовъ о тѣхъ подаркахъ, которые поднесли французскія женщины нашимъ морякамъ и которые попадутъ въ самыя отдаленныя деревни наши къ сестрамъ, невѣстамъ, женамъ или дочерямъ этихъ моряковъ. Для примѣра приводимъ буквально письмо одного изъ русскихъ матросовъ на родину, къ своимъ роднымъ о сдѣланномъ имъ во Франціи пріемѣ:

«Перваго октября, 9 часовъ утра, пишетъ матросъ, не дойдя французскаго города Тулона 25 верстъ, къ намъ на встрѣчу французская эскадра: одинъ «корабль броненосецъ» и 12 миноносокъ, и, не дойдя до насъ 2 версты, французскій отрядный генералъ сталъ салютовать 21 выстрѣлъ для встрѣчи и отданія чести. Матросы стояли цѣпью и кричали «Библія Россія» (Vive la Russie!), «ура, ура, ура», а наши моряки матросы стояли на вантахъ и на марсахъ и кричали нѣсколько разъ «ура, ура, ура». Подробно описавъ движенія французскихъ и русскихъ судовъ, матросъ затѣмъ сообщаетъ, что «французское купечество очень скучало, что долго не пускаютъ русскихъ матросовъ гулять». Когда же 4-го октября ихъ, наконецъ, отпустили, и катера доставили ихъ на пристань, то «тутъ же, разсказываетъ матросъ, насъ подхватило купечество подъ руки и потащило, кто пять человѣкъ, кто семь въ свои дома, а кто и въ трактиры, и давали чего только хочешь: вино разное и разное жаркое и угощали очень хорошо. Намъ время ѣхать на корабль, а они насъ не пускаютъ, наставили на столахъ утокъ жареныхъ, курятины жареной, рыбы жареной, раковъ жареныхъ и картошки жареной и разной ягоды, закуски и ананасъ». Гостепріимство французовъ произвело, вообще, сильное впечатлѣніе на матроса. «Идешь городомъ, разсказываетъ онъ далѣе, и трехъ лѣтъ мальчикъ или дѣвочка тоже кричитъ «Да здраствуетъ Россія», «ура», даютъ руки и цѣлуютъ. Купеческія барышни цѣлуютъ. А намъ очень совѣстно, будто нехорошо». «Насъ на машинѣ повезли въ другой городъ — изъ Тулона въ Парижъ, и какъ пріѣхали мы на вокзалъ и слѣзли съ машины, насъ музыка встрѣтила. Большой почетъ былъ нашему отрядному генералу Вавилану (адмиралу Авелану)». Въ Парижѣ словоохотливаго матросика всего болѣе поразило опять-таки угощеніе. «Угощеніе было господское—пи-

шетъ онъ—водка была всякая заграничная, ромъ, коньякъ, мадера, красное вино и «шампанское вино», пиво и медъ, лимонадъ и разныя закуски, и разныя ягоды, яблоки, арбузы». Заканчиваетъ матросъ описаніе своихъ праздничныхъ впечатлѣній «генеральскимъ баломъ» въ Тулонѣ 15-го октября. «Пріѣхалъ французскій «прѣзъиденъ рись публики» и французскіе полные генералы, генералы-адмиралы, вице-адмиралы, контръ-генералы, генералы-фельдмаршалы, генералы и было вольное купечество и барышни». Всѣ, кто не носитъ мундира, всѣ французскія власти, кромѣ морскихъ и военныхъ, для нашего матроса «вольное купечество» или еще «вольный народъ». «Наши господа офицеры дарили барышень букетами и шелковыми лентами, и былъ устроенъ ходъ съ «Рынды» на «Память Азова» и съ «Азова» на «Рынду», и генералы и все высокое начальство ходили съ судна на судно». Наконецъ, торжество кончилось; пришлось уѣзжать. «Провожали французы, какъ и встрѣчали, пишетъ матросъ, и пошли мы въ городъ Кіеръ....». Такъ простодушно и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательно описываетъ русскій матросъ всѣ видѣнныя имъ проявленія дружбы Франціи къ Россіи. Сколько подобныхъ же писемъ прислали въ Россію и другіе матросы?

Совершенно естественно, что безпримѣрные, по своему величію и по своей сердечности, октябрьскіе дни во Франціи глубоко тронули всѣ русскія сердца, и не могли не тронуть сердце Русскаго Самодержца и всего Его стомилліоннаго народа. Въ отвѣтъ на происходившее во Франціи, не только изъ Петербурга и Москвы, но и изъ маленькихъ городовъ, даже отъ учащихся въ школахъ дѣтей, полетѣли въ дружественную страну благодарственные телеграммы, адресы, стихотворенія. Особенно были трогательны въ своей простотѣ и безъискусственности адресы крестьянъ Вологодской и Рязанской губерній. Появившіяся въ печати стихотворенія и статьи въ честь Франціи составили бы цѣлую библіотеку. Русскія женщины стали собирать пожертвованія, чтобы отъ имени матерей, сестеръ и дочерей русскаго народа, въ лицѣ госпожи Адамъ почтить французскую женщину. Въ настоящее время изъ Петербурга отправленъ къ этой заслуживающей глубокаго уваженія французской женщинѣ великолѣпный, оправленный золотомъ и серебромъ альбомъ со множествомъ художественныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ русскими женщинами. Кромѣ того, въ Тулонъ нашими дамами отправлена значительная сумма денегъ на учрежденіе въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣсколькихъ стипендій для бѣдныхъ дѣвушекъ. Въ Москвѣ возникла мысль отлить колоколъ для собора Парижской Богоматери. Словомъ, въ

отвѣтъ на дружбу Франціи, воспрянулъ историческій и національный геній Русскаго народа, чтобы въ дружескихъ и братскихъ объятьяхъ крѣпко сжать самую Францію. «Слышу», отвѣчалъ русскій народъ, на пестіеся въ Россію клики изъ дружественной намъ страны...

На это «слышу» Франція отвѣчала новыми безчисленными заявленіями своихъ горячихъ симпатій. Въ виду такихъ заявленій, чувство признательности не позволяетъ намъ умолчать объ оказанномъ намъ лично трогательномъ вниманіи. Президентъ Муниципальнаго Совѣта города Парижа обратился къ намъ съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь! Муниципальный совѣтъ города Парижа, которому извѣстны ваши симпатіи къ французскому народу, искренно сожалѣлъ, что вы не присутствовали лично на парижскихъ празднествахъ въ честь русскихъ моряковъ. Но, тѣмъ не менѣе, ваше имя для насъ было связано со всѣми засвидѣтельствованіями дружбы, обмѣнъ которыхъ происходилъ во время этихъ незабвенныхъ празднествъ, и муниципальный совѣтъ призналъ, что медаль, служащая символомъ недавнихъ дружественныхъ манифестацій, всего лучше выражаетъ чувства города Парижа. Въ виду этого, имѣю честь просить васъ принять экземпляръ означенной медали, который отчеканенъ съ вашимъ именемъ и будетъ вамъ переданъ черезъ посредство французскаго посла при русскомъ дворѣ. Примите увѣреніе въ моихъ чувствахъ высокаго уваженія. Президентъ парижскаго муниципальнаго совѣта, депутатъ департамента Сены, Альфонсъ Эмберъ». 19-го января 1894 года.

На это письмо послѣдовалъ отвѣтъ:

«Господинъ президентъ муниципальнаго совѣта города Парижа. Я чрезвычайно тронутъ вниманіемъ парижскаго муниципальнаго совѣта, соблаговолившаго почтить меня присылкой именной медали въ память посѣщенія Парижа русскими моряками. Я счастливъ, что мои горячія симпатіи къ Франціи, о которыхъ вы упомянули въ вашемъ любезномъ письмѣ, вторили общему чувству всей Россіи. Необыкновенный пріемъ, оказанный нашимъ морякамъ вашимъ прекраснымъ отечествомъ въ незабвенные октябрьскіе дни, глубоко запечатлѣлся въ русскомъ сердцѣ, о чемъ такъ громко засвидѣтельствовалъ передъ цѣлымъ міромъ нашъ Государь, Верховный выразитель мыслей и чувствъ обожающаго Его русскаго народа. Эти изумительныя проявленія дружбы двухъ націй прочно скрѣпили братскія узы между ними въ драгоцѣнный залогъ обще-европейскаго мира, для всѣхъ равно желаннаго и — будемъ надѣяться — долговѣчнаго. Господинъ президентъ, вы меня безконечно обяжете, передавъ

муниципальному совѣту французской столицы мою глубочайшую признательность за оказанное мнѣ лестное вниманіе. Примите увѣреніе въ чувствахъ моего высокаго къ вамъ уваженія. Евгеній Богдановичъ». 12-го февраля 1894 года.

Изъ множества откликовъ изъ Россіи приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ письма городскаго головы города Стерлитамака, К. Д. Ростовцева:

«Президенту Франціи господину Карно. Когда кто хочетъ дальше и больше видѣть, тотъ взбирается на высоту.

Стерлитамакскій городской голова на вершинѣ Урала возглашаетъ: «да здравствуетъ Франція!»

Какъ житель Приуральскаго края — этой не малой жемчужины въ вѣнцѣ Всероссійскаго Царя, я вошелъ сегодня на вершину роднаго, благодатнаго Урала и отсюда оглядѣлъ всѣ стороны обширнаго Царства Русскаго: вся великая русская страна, раздѣленная этимъ Ураломъ, глубоко воодушевлена тѣмъ, что столь искренно и сердечно совершается въ далекой по разстоянію, но близкой по сердцу, благородной странѣ — Франціи. Все, что тамъ идетъ отъ сердца — по-

нятно и дорого сердцу русскому. Тамъ восторженно, сердечно и единодушно встрѣчаютъ русскихъ моряковъ — посланцевъ мира, творятъ молитвы и привѣтствуютъ Державнаго Виновника столь радостнаго и великаго событія, Русскаго Царя-Миротворца и Благодѣтеля человѣчества, Многомилостивую Русскую Царицу, Императорскую Фамилію и всю Россію!

«А здѣсь, всюду и вездѣ, всѣ, отъ мала до велика, милліоны русскихъ людей съ восторгомъ воспринимаютъ то громкое французское эхо, и ихъ сердца бьются единою радостью: они благодарятъ Всемогущаго Господа Бога, создавшаго на страхъ врагамъ всего свѣта столь тѣсную братскую дружбу двухъ великихъ націй, молятъ Всевышняго сохранить сей благословенный союзъ на вѣчныя времена и провозглашаютъ: Да здравствуютъ Русскій Царь-Батюшка, Царица-Матушка, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Царствующій Домъ! Да здравствуетъ Президентъ Французской республики Карно! Да благоденствуютъ Русскій и Французскій народы!

«Съ сей вершины Урала, два года тому назадъ, я, по святорусскому обычаю и отъ всей души, привѣтствовалъ Августѣйшаго Путешественника, Государя Наслѣдника Цесаревича, чудесно Богомъ спасеннаго и положившаго начало великаго желѣзнаго пути Владивостокъ—Парижъ.

«Въ то же самое время, когда французская эскадра съ адмираломъ Жерве была въ Русскихъ водахъ, среди восторга и горячихъ сердечныхъ овацій, связавшихъ крѣпкими узами дружбы Русскій и Французскій народы, я, участвуя сердцемъ въ томъ торжествѣ, привѣтствовалъ съ сей же высоты дорогихъ представителей Франціи.

«Воодушевленный настоящимъ великимъ праздникомъ мира и свѣтлаго будущаго, я и нынѣ, какъ «чисто русскій человѣкъ», поднимаю на той же вершинѣ Урала свой русскій бокалъ предъ Русскимъ и Французскимъ флагами и отъ чисто русскаго сердца провозглашаю: Да здравствуютъ Святорусскій Царь Александръ III—Зиждитель благоденствія и всеобщаго мира, Святорусская Царица-Матушка — счастье всей Руси. Наслѣдникъ Цесаревичъ—Надежда всей Россіи и весь Царствующій Домъ Романовыхъ! Да здравствуетъ Президентъ Французской республики Карно! Да здравствуютъ Русскій и Французскій народы!»

На это письмо г. Ростовцовъ получилъ отъ французскаго посла при нашемъ Дворѣ слѣдующій отвѣтъ:

Милостивый Государь!

«Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ меня извѣщаетъ, что поздравительное письмо, которое я ему передалъ отъ вашего имени. съ просьбой представить его высшему назначенію, было доложено Г. Президенту Французской Республики.

Г. Карно былъ очень тронутъ чувствами, которыя вы въ немъ выражаете, и мнѣ поручено вамъ передать его благодарность.

Я счастливъ исполнить это порученіе и прошу васъ, Господинъ Голова, принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

«Графъ Монтебелло».

* * *

Обмѣнъ выраженій дружбы между Россіей и Франціей продолжается и по нынѣ. Намъ недостало бы ни времени, ни мѣста въ этой книжкѣ для перечисленія всѣхъ такихъ знаковъ сердечнаго сближенія двухъ націй. Упомянемъ лишь, что нынѣшнею зимою, Петербургское дворянство, съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями во главѣ, давало роскошный обѣдъ въ честь посла Франціи, графа Монтебелло. Этотъ праздникъ, на которомъ, кромѣ массы дворянства, было много нашихъ министровъ и высшихъ Государственныхъ сановниковъ, устроенъ былъ, чтобы, въ лицѣ посла, выразить Франціи и французскому народу живыя симпатіи со стороны нашего высшаго сословія.

Въ заключеніе, намъ остается указать на недавній глубоко знаменательный случай, въ которомъ явственно сказалось участіе Божественнаго Промысла въ судьбахъ дружественной намъ Франціи, по поводу гнуснаго замысла анархистовъ взорвать Божій храмъ въ самой столицѣ Франціи. Эти изверги и враги человѣческаго рода, поднимая мятежъ противъ законныхъ властей и противъ всѣхъ основъ благоустроеннаго государства и общества, начали во Франціи свои звѣрскія и вмѣстѣ безсмысленныя злодѣянія, стали, при помощи динамитныхъ бомбъ, взрывать дома и убивать людей, не разбирая ни пола, ни возраста. Анархисты направляли свое страшное, всеистребляющее оружіе не противъ однихъ только полицейскихъ и административныхъ лицъ, но и противъ простыхъ мирныхъ гражданъ. Но и этого показалось мало этимъ адскимъ исчадіямъ безбожія, разрушенія и убійствъ—они подняли руки на храмы Божіи...

Одинъ изъ злодѣевъ пробрался съ динамитной бомбой въ

церковь Святой Магдалины съ намѣреніемъ взорвать храмъ въ то время, когда тамъ множество матерей съ дѣтьми собрались для молитвы. Промыслъ Божій, при происшедшемъ взрывѣ, охранилъ всѣхъ молящихся въ храмѣ, не пощадивъ только самого злодѣя, который былъ тутъ же на мѣстѣ убитъ своей же бомбой.

По поводу этого взрыва динамитной бомбы у вратъ церкви Св. Магдалины, въ Парижѣ, нами была отправлена парижскому архіепископу, кардиналу Ришару, слѣдующая телеграмма:

«Чудо Божіе отвратило преступную руку, готовую совершить ужаснѣйшее злодѣяніе въ самомъ храмѣ Господнемъ, въ моментъ, когда масса дѣтей и матерей стекалась въ него для слушанія слова Божія. Чудо это является поразительнымъ свидѣтельствомъ Божественнаго заступничества, осѣняющаго Францію, и всѣ русскіе друзья вашего славнаго отечества спѣшатъ принести ему задушевное поздравленіе въ лицѣ вашего высокопреосвященства, архіепископа французской столицы. Е. Богдановичъ».

На это кардиналъ Ришаръ отвѣчалъ въ тотъ же день, по телеграфу, въ слѣдующихъ словахъ:

«Глубоко тронутый и благодарный за ваши религіозныя симпатіи къ французской націи, я молю Бога, да благословитъ Онъ и укрѣпитъ еще болѣе единеніе двухъ великихъ народовъ. Кардиналъ Ришаръ».

Заканчивая нашу рѣчь о безпримѣрныхъ проявленіяхъ дружбы Франціи и Россіи, мы не можемъ не сказать, что въ нихъ чувствуется близость новой эпохи во всемірной Исторіи.

Не можетъ пройти безслѣдно глубокое, искреннее общеніе духа, совершившееся среди трогательныхъ дружескихъ объятій величайшихъ и могущественныхъ въ свѣтѣ народовъ.

Да растетъ, цвѣтетъ и зрѣетъ ихъ дружба, на благо ихъ собственное и на благо всего міра, на охрану мирнаго труда всѣхъ народовъ!

Что ни сулили бы грядущіе годы, Франція и Россія всегда пойдутъ рука объ руку, на встрѣчу всѣмъ испытаніямъ, и подѣлятъ межъ собою и радость и горе. То, что скрѣплено слезами радости и молитвы двухъ народовъ, что освящено словомъ Царскимъ, пребудетъ незыблемымъ....

Могутъ сказать, что Россія, при ея стодвадцати-милліонномъ народѣ, при несокрушимомъ могуществѣ въ ней Царской Власти, цѣльности ея историческаго государственнаго строя, не имѣетъ нужды въ друзьяхъ и союзникахъ.

Но кто же станетъ отталкивать отъ себя искренняго друга и надежнаго союзника, когда другія государства не пренебре-

гаютъ ни ненадежною дружбою, ни непрочными союзами? Во всякомъ случаѣ, не прямодушная и благородная Россія..... У ней нѣтъ никакихъ враждебныхъ счетовъ и соперничества съ Франціей. Ихъ государственные и экономическіе интересы во многихъ отношеніяхъ сходны, ихъ народы сродны въ своемъ характерѣ и влекутся другъ къ другу въ братскія объятія. Это не дѣло хитрящей политики, не выдумка искусныхъ дипломатовъ, это—голосъ ихъ исторіи, это—выраженіе того, что таится въ глубинѣ души двухъ великихъ народовъ..... Франція и Россія давно и неудержимо, наперекоръ всему, тяготѣютъ другъ ко другу.

Это-то и вырвалось такимъ бурнымъ порывомъ дружбы въ дни незабвенныхъ встрѣчъ въ Кронштадтѣ и Тулонѣ, въ Петербургѣ и Парижѣ, въ Москвѣ и Ліонѣ!

Никто и ничто не въ силахъ уже вычеркнуть изъ исторіи этихъ мощныхъ и столь величавыхъ движеній народныхъ. Да здравствуютъ Франція и Россія, вызвавшія эти прекрасныя движенія! Да здравствуетъ Великій Царь Русскій, глубоко и сердечно оцѣнившій и благословившій братское сближеніе двухъ государствъ и двухъ народовъ!...

БЕЗПЛАТНОЕ НАРОДНОЕ ИЗДАНІЕ

Е. В. Богдановича.

Типографія Литографія
ПОСТАВЩИКА ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
С. Петербургъ Р. ГОЛИКЕ Спасская ул. 17

2007041587